

Жадира Дармбаева

лауреат Международной литературной
премии «Алаш», заслуженный деятель
Республики Казахстан

ФИЛОСОФИЯ И ПОЭТИКА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

*О книге Бахыта Каирбекова
«Мир кочевья. Мифы казахской степи. Казахский этикет»*

У каждого народа собственная история, сложившиеся веками миропонимание, духовное восприятие природного начала, обращенные в легенды, поверья, сказки, старинные обычаи и обряды. В стране древних кочевников, в Великой степи с ее природными особенностями, мифами, культурами, обычаями и нравственным этикетом – с ее историческим величием вы оказываетесь, открыв для себя книгу Бахыта Каирбекова «Мир кочевья. Мифы казахской степи. Казахский этикет».

Уже с первых страниц захватывает читателя поэтическая символика, богатство образности и философской, научной мировоззренческой зрелости содержания данного труда. Такие названия глав, как «Под вечным оком Тенгри», «Космогония», «Степной календарь», «Страна великих трав», «Священный лес», «Зеркало мира», «Священные птицы Великой степи», «Кульť животных», «Солисты Великой степи», «Кочующие во времени», настраивают сознание на соприкосновение с некой священной таинственностью природы, а его чувства – на высокую поэтическую волну. И во всем этом оригинальном калейдоскопе Словотворения виден вдохновенный почерк замечательного поэта, художника слова, кинорежиссера, сценариста, этнографа, заслуженного деятеля РК Бахыта Каирбекова.

В предисловии к своему многолетнему труду, третьему дополненному изданию книги, вышедшей в 2014 году в Астане в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Проведение прикладных научных исследований по изучению истории, археологии, этнографии, культуры и искусства nomadov» МОН РК, автор пишет: «Как известно из истории, в Центральной и Средней Азии в древности в VIII–VII вв. до н. э. жили скифские племена. Видный ученый-тюрколог А. Иконников-Галицкий в своих исторических исследованиях заключает: “Древнегреческая культура в это время еще только зарождалась, о Риме не было и помину, и даже Китай едва-едва осваивал письменность. А скифские цари, вожди племенных союзов, сооружали погребальные памятники, сопоставимые по масштабам с египетскими пирамидами, и наполняли их богатствами,

которые можно сравнить с сокровищами Тутанхамона. Все это говорит о том, что в VIII–VII вв. до н. э в Центральной Азии существовала мощная держава и расцветала замечательная культура»).

С щемящей сердце болью и тоской поэтическая душа Бахыта Каирбекова – сына этой Великой степи вопрошает: «Когда же мы увидим эти почти стертые штрихи древней поэзии и письменности, древние купола наших мавзолеев и кварталы наших погребенных городов в каталогах библиотек и музеев мира с правдиво указанными подписями и именами их истинных авторов? Когда привыкнем к мысли, что не мы были “окрайной” культурного мира, что Великая степь была мощной державой и являла миру замечательную культуру?»

Здесь уместно будет привести воззрения выдающегося русского историка, географа и этнолога Л. Н. Гумилева из его книги «Хунну». «Кочевники Великой степи играли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем европейцы и китайцы, египтяне и персы, ацтеки и инки. Только роль их была оригинальной, как, впрочем, у каждого этноса. Граница на востоке с древней цивилизацией Китая, а на западе с не менее древней культурой западно-европейского полуострова, Великая степь, населенная разнообразными народами с разными хозяйственными навыками, религиями, социальными учреждениями и нравами, тем не менее, всеми соседями ощущалась, как некое единство, хотя содержание доминирующего начала ни этнографы, ни историки, ни социологи не могли определить. Почему китайцы не проникли в Европу? Странно, что никто до сих пор не поставил этого вопроса», – торжественно вопрошает великий ученый евразиец.

Ответ на этот вопрос обнаруживаем в книге ученого-тюрколога Г. Айдарова «Язык памятника Кюль-тегину: VIII век», изданной в 1993 году в Алматы: «На памятнике древнетюркскому кагану Кюль-тегину VIII в., найденном русским ученым Н. М. Ядринцевым, есть надпись, язык которой относится к орхон-енисейским памятникам древнетюркской письменности. На огромной каменной стеле высечено обращение тюркского кагана, в Малой надписи в основном направленное на возвеличение и укрепление своей власти. Большая надпись посвящена историческому повествованию, которое Бильге-каган начинает с давних времен, он упоминает предка Бумына-кагана и (Истеми-кагана), покорившего народы в четырех концах света и твердо державшего в своей власти племенной союз тюрков... Содержание обоих памятников [Кюль-тегину и Бильге-кагану. – *Ред.*] в основном аналогично. Его составляют рассказы о многочисленных походах и сражениях тюркских войск под предводительством Ильтериса (Кутлуга), Бильге-кагана (Могиляна) и Кюль-тегина». Да, это тюрки преградили путь Китаю в Европу.

И это неслучайно. Бахыт Каирбеков в разделе «Утерянное наследство» своей книги, обращаясь к истокам, к началу начал, трактуя и анализируя динамику жизнедеятельности древних тюркских племен, их демиургическую роль в Древнем мире, отмечает: «Кочевые народы первыми в истории человечества научились приручать диких коней, плавить металл, ковать железные мечи и стрелы, они создали тележное колесо и дальнобойные луки. Благодаря этим новым технологиям они стали повелителями огромной территории, простиравшейся от отрогов Алтая до Уральских гор, от берегов Каспия и Черного моря до побережий Средиземноморья и Адриатики. Подобно солнечным лучам, проложили они

дороги через огромное пространство степи и подняли первые города мастеров, в которых так нуждались народы. В городах, ставших центрами металлургии, были плавильни, а также первые гончарные цеха и первые храмы». Так с сыновней гордостью за своих героических и славных предков заявляет автор этой необычной и всеобъемлющей книги.

С тонким родственным чутьем раскрывает миропонимание и духовную природу кочевника Бахыт Гафуович в главе с поэтическим названием «Под вечным оком Тенгри»: «Небо представлялось кочевнику огромным всевидящим оком, от него нельзя было скрыться, и потому все, что совершал человек, тотчас поощрялось или каралось всевышним богом Тенгри. Оседлые племена воспринимали кочевников как враждебный фантом, возникающий ниоткуда, из небытия и исчезающий в нем бесследно. “Линейкой” измерения земного пространства служили кочевые племена – вечные путешественники, сверяющие свои маршруты с маршрутами звезд. Они представляли Жизнь потоком, рекой, вечной дорогой, которая берет свое начало на небе. Они верили, что именно там живут человеческие души и в виде “*күт*” (божественной благодати) нисходят на землю, обретают здесь земную оболочку, а когда она одряхлеет и станет для души обузой, возвращаются в заоблачные выси. Получается, что Душа жизни – тоже кочевница! Она тоже вечно в пути. И все поверья кочевого народа – это вечное благоговение перед Потоком. И все обряды казахов связаны с почитанием всякого вида Движения. А все беды, хвори и неудачи – из-за всевозможных преград течению жизни, подводных камней, мешающих ее энергетическому потоку».

Эти духовно-философские воззрения автора корнями уходят в глубь веков, где в сказаниях и преданиях народных певцов и мудрецов они нашли свое яркое незыблемое воплощение. Одним из таких чудесных творений, непревзойденных по глубине феноменальной степной философской мудрости, где воспеты храбрость, отвага, сплоченность огузов, становление их мировоззрений, обрядов и традиций, является дошедший до нас из глубин VII–IX веков устно, а в XV–XVI веках изложенный письменно и в виде рукописи вошедший во всемирную историю под названием «Книга моего деда Коркута» великолепный по языку и стилю эпический памятник тюрков. «Слово “тюрк” – не этнический термин: оно обозначало политическое объединение разнородных племен. В результате ассимиляции местного ираноязычного населения появляется новое этническое понятие – “среднеазиатские тюрки”, которые успешно синтезировали две культуры – иранскую и тюркскую», – пишет известный советский ученый-тюрколог Х. Г. Короглы в своей книге «Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана», вышедшей в 1983 году в московском издательстве «Наука».

О том, что синий цвет для тюрков ассоциируется с сакральной святостью, знают, наверное, многие. «Синь-небо и зелень-трава – прародители тюркского народа, удивительно, а может, как раз естественно, что синь – небо и зелень – трава называются на всех тюркских языках одним словом – “*көк*”. За каждым понятием, связанным с миром сакральным, существует в казахском восприятии мира многослойная семантика образов: белый – святость, чистота, целомудрие; красный – заря, расцвет, цветение, пробуждение; зеленый – цвет лета, жизнелюбия, полноты чувств, солнечная энергия», – так с поэтической прозорливостью заключает Бахыт Гафуович эту главу.

Надо особо отметить аналитическую отточенность изложения кочевнического мировоззрения автором. В разделе «Зеркало мира» Б. Каирбеков раскрывает природное начало духовного мировосприятия кочевавших предков. «Кочевники проецировали земное существование на ситуацию в небесной сфере, а значит, там тоже, по их представлениям, стояла юрта, паслись кони и водились разбойники – конокрады. Например, в казахской космогонии Мировая Юрта привязана к Железному Колу – *Темір Қазық* (так зовется Полярная звезда)... Пока на небе свершается своя жизнь, а на земле своя – ничто не грозит людям. Но любое нарушение и даже намек на него могут повлечь за собой мировые катаклизмы, считали кочевники», – пишет Бахыт Гафуович об этом пленительном родстве души кочевника с небом.

О культе Вечного Синего Неба – тенгрианстве автор размышляет в главе «Көк Тәңірі» (Тенгри). «Тенгрианство, как одна из древнейших религий степи, возникло среди северных и северо-западных кочевников – предков тюркских и монгольских народов. В XII в. до н. э. проникло в Китай и стало важнейшим понятием китайской мифологии и философии», – пишет автор, приводя выводы французского исследователя Ж. Ру, который отделил тенгризм от шаманизма, господствовавшего у тюрко-монгольских народов в добуддийский и доисламский периоды.

«Как свидетельствуют разноязычные источники, в первую очередь персоязычные и китайские, – пишет ученый-историк А. Ш. Кадырбаев, опираясь на исследования знаменитых мировых историков, в своем издании «Казахстан в эпоху Чингиз-хана и его преемников», вышедшем в Алматы 1992 году, – огромные территории современного Казахстана накануне монгольского нашествия в XII – начале XIII в. занимали государственные образования тюркоязычных племен кипчаков, канглы, карлуков, найманов, империи каракитаев и хорезмшахов. Причем район их расселения охватывал и другие территории – кипчаки занимали южно-русские степи и степи Северного Кавказа, немало их вместе с канглы было в Хорезме. Канглы жили в Приаралье, Семиречье и Прииртышье, а кипчаки расселились от Алтая до Дуная. Карлуки и каракитаи, обитая на землях преимущественно Восточного и Юго-Восточного Казахстана, жили также в Средней Азии и Восточном Туркестане. Найманы, кроме Восточного Казахстана и Горного Алтая, занимали земли Северо-Западной Монголии, от верховьев Селенги и Орхона до Тарбагатай. Кирейты обитали в Северной Монголии, около реки Толы и среднего течения реки Орхон». Величайшая трагедия средневековья – опустошительные войны монголов, стершие с лица земли целые города, в их числе Отрар, Сыганак, Талас, население которых было полностью уничтожено. В пепел превратилась огромная библиотека Отрара – хранилище величайшей тюркской цивилизации и духовного этикета наших предков.

Ассоциативность мышления, утонченность восприятия и исследовательский дар помогают Бахыту Каирбекову в его стремлении «глубже понять мировоззрение кочевников, которые тонко улавливают гармонию Верха и Низа, Тьмы и Света, Начала и Конца, – это основное правило казахского этикета – соблюдать иерархию Неба и Земли». В главе «Космогония» автор пишет: «Солнце на небе воспринималось древними людьми как Око, вззирающее с небес. Оно для кочевника символизировало Радость, Надежду и Счастье, то есть все то, что могла

подарить человеку земная жизнь. “Жить” по-казахски “*күн көру*” – видеть каждый день свое божество – Солнце. С солнцем связан праздник Наурыз, который празднуют в степи в день весеннего равноденствия».

И далее: «Тюрки, в отличие от персов, не утверждают, что мир (Тенгри) был сотворен в день Наурыза. Навруз – символическое обозначение Начала мира, с которого, естественно, начинается и новое летоисчисление (каждая новая религия, первым делом, всегда вводила свой новый календарь), – отмечает автор в разделе «Сотворение мира», аргументируя: – Многие исторические источники и археологические данные свидетельствуют о том, что Навруз оформился и распространился еще в глубокой древности среди оседлого земледельческого ираноязычного населения. Происхождение праздника связывают с культом Солнца и именем легендарного пророка Заратуштры. Учение Заратуштры направляет человека кочующего к оседлости, вмняя в священную обязанность своим последователям занятие земледелием и скотоводством, расценивая это как подвиг благочестия», – так автор вводит читателя в мировоззренческое восприятие зороастризма – религиозной системы, которая создала не только начало нового календарного года, но и начало мира.

«С этого дня “месяца нисана” (март-апрель) европейского календаря Заратуштра повелел своим адептам праздновать начало нового мира, провозгласив единобожие на земле индоариев. Возложив на своих последователей эти две обязанности – индивидуальную пятикратную молитву и семь празднеств, Зороастр создал религиозную систему огромной силы и обеспечил новой вере способность сохраняться на протяжении тысячелетий», – пишет Бахыт Каирбеков, приводя эти аргументы из книги Мэри Бойс «Зороастризм. Верования и обычаи», изданной в Москве издательством «Наука» в 1987 году. «Также М. Бойс утверждает, – отмечает автор, – что Заратуштра узаконил понятия о Рае и Аде, тройную основу веры: благую мысль, благое слово, благое дело, а также ввел в оборот новый календарь, в котором, известном еще в Древнем Египте, в году было 12 месяцев по 30 дней и Благая Пятёрка (5 дней), которую добавляли перед днем весеннего равноденствия». И далее: «Такое деление года казахи сохраняли до середины 20-х годов XX века, – возможно, что древнеавилонский календарь перешел к казахам (как и ко всем тюркоязычным народам) через религию Заратуштры (Авесту)», вопрошает он в разделе «Сотворение мира».

«Наурыз» в персидском языке обозначает именно «Новый день» – первый символический шагок возвращения Солнца к Земле. Казахи словом «Наурыз» называют праздник Нового года. В этом разделе автор, опираясь на различные источники, заключает: «Как считали древние люди, праздник Нового года следует отмечать только тогда, когда свет одержит победу над тьмою, когда холод зимних ночей сменится теплом первых лучей. Празднуя окончание старого года и начало нового, мы повторяем акт Первотворенья. Ритуал помогает ощутить связь с Космосом, с чем-то очень древним, придавая нам на миг ощущение причастности к Вечному», – и эти проникновенные слова звучат вдохновенно, с сыновней благодарностью генетической памяти прозорливых предков, которые, передавая из поколения в поколение через сказки, былины, мифы, различные истории, донесли свое понятие о познании мира, об особенностях отношения к природе и о национальном самосознании своего народа до сегодняшних дней.

«Человек все время находится между двумя противоборствующими силами – Добром (*Kue*) и злом (*Kesip*), а чтобы всегда побеждало Добро, он желал другим хорошего и поступал так, чтобы Зло оставалось в дураках. Пожелаем же друг другу Добра и будем придерживаться тех правил, которые соблюдали в Степи с давних времен – дабы нас оберегали добрые духи и не сглазили злые. И да поможет нам великий Тенгри!» – торжественно восклицает автор в начале своей книги. Мы тоже пожелаем этой третьей книге Бахыта Каирбекова с захватывающим, раздольным, всеобъемлющим содержанием и названием «Мир кочевья. Мифы Великой степи. Казахский этикет» доброго пути к сердцам читателей, особенно юных. Пусть эта книга откроет для них тайны истории, природного благоразумия предков, народных поверий и преданий, легенд и мифов – всю сакральную символику обрядов, игр и быта, с пожеланиями и запретами, связанными с поэтическими представлениями степных кочевников о вечности, гармонии неба и земли.

Этот огромный исследовательский труд Бахыта Каирбекова, главы которого написаны прекрасным поэтическим слогом, своей яркой образностью глубоко раскрывает многовековые ценности и устои исторического и духовного национального самосознания и культурного наследия нашего народа. Данная книга может достойно продолжить свой путь в рамках Программы Президента РК «Духовное и историческое культурное наследие. Модернизация общественного сознания», являясь прямой и яркой иллюстрацией ко многим выводам и положениям статьи Н. А. Назарбаева «Семь граней Великой степи».

